

²² См.: Батмаев М. М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1992.

²³ Джангар. Малодербетская версия. С.139.

²⁴ Джангар. М., 1990. С.303.

²⁵ Там же. С.273, 291.

²⁶ См.: Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998.

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

А.В. Цюрюмов

Реформа Зарго и эволюция института ханской власти

В начале XVII века часть ойратов появилась на территории России и образовала во второй половине века Калмыцкое ханство. В калмыковедении картина взаимоотношений России и калмыков представляется несколько статичной. Между тем на протяжении XVII - XVIII вв. они постепенно видоизменялись. Изменение их характера определялось, прежде всего, эволюцией государственного строя России в сторону абсолютной монархии, изменением ее геополитических интересов и целей, а также трансформацией традиционных институтов кочевой государственности в условиях вассалитета в составе России.

Среди важнейших государственных институтов Калмыкии главное место занимает Зарго, которому в исторической литературе уделено значительное внимание. Первое полное повествование о предназначении суда Зарго имеется в работе В.М. Бакунина «Описание калмыцких народов»¹. Подробный анализ реформы суда мы находим в работе М.М. Батмаева, описавшего место традиционного суда Зарго в общественном строе калмыков².

Характер русско-калмыцких отношений в первой половине XVII века позволяет характеризовать их как протекторат России над калмыцкими улусами. Отношения двух сторон не нарушали суверенитета калмыцких феодалов. За калмыцкой стороной сохранялась старая административная система управления без введения российских основ государственности. Калмыцкие ханы сохраняли наследственную власть, им предоставлялось внутреннее самоуправление

со всеми его атрибутами. Хан осуществлял полный контроль над аппаратом управления, который был представлен исключительно национальным чиновничеством. Сохранялась также национальная культура, семейные основы, налоговая система, законодательство и суд. Полицейские функции в ханстве осуществляли исключительно ханские войска.

Государственный статус Калмыкии определялся ее геополитическим положением как пограничной территории. К востоку от калмыцких кочевий имелась огромная степная территория, примыкавшая к границам Джунгарского ханства. До конца первой четверти XVIII века она контролировалась с запада калмыками, с востока – джунгарами. Необходимо заметить, что наличие в XVII – первой четверти XVIII вв. широкого и относительно свободного коридора от Волги до границ Джунгарского ханства, контролируемого только калмыками, лишало российское правительство возможности вести широкомасштабную ограничительную политику и давало возможность калмыкам уйти из пределов России.

В конце XVII – начале XVIII вв. улусы все чаще переходили на нагорный берег Волги, доходили до Дона, Кумы и Терека. Эта территория рассматривалась правительством как российская земля. В этот период российским правительством была окончательно определена территория ханства, включавшая в себя междуречье Дона, Волги и Яика. Северная граница проходила от Дона, Царицынской укрепленной линии до Самары и далее до Яика; южная – по побережью Каспийского моря и по р. Куме. С запада территория была ограничена землями Донского казачьего войска; на востоке калмыцкие кочевья доходили до р. Эмбы.

В литературе имеется единственное относительно полное описание традиционного калмыцкого суда Зарго. В.Бакунин в «Описании калмыцких народов» отмечал: «Зарго, на их языке - суд, бывает всегда при доме ханском, и присутствуют в особливой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по два, на которых верность хан надежду имеет. А всех, по их древнему обыкновению, больше осьми человек не бывает. По стольку ж человек бывало в Зарго и у зенгорских ханов и главных владельцев». Члены Зарго назывались тусулулки и заргучи («то есть советник и судья, а все вообще – сайт, то есть министры») ³.

Зарго имел штат писцов (бичачи), приставов (яргучи), рассыльщиков и других чиновников. Основополагающим документом служило «уложение, писанное на белой камке». Итак, Зарго являлся ханским судебным органом, действовавшим согласно Монголо-ойратским законам 1640 г. «Ик цааджин бичик».

Зарго выполнял традиционные судебные функции, о чем сообщал В. Бакунин: «В той же Зарге между калмыками производятся во всяких судебных делах по словесным и по письменным прошениям присутствующими членами решения словесные, по которым и исполнение чинится. А ежели случится такое дело, в котором присутствующие члены в голосах будут несогласны (а хотя и согласны - да дело будет немалой важности), о том представляют хану, и чинятся решения по его конфирмации, словесные ж»⁴.

Кроме судебных функций, Зарго выполнял функции ханской канцелярии и являлся важным внешнеполитическим органом: «От той Зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются отправляемые ко двору императорскому доношения и к ближним от них командирам российским письма, и указы ханские к калмыцким владельцам о публичных делах, и черныя - приносятся к хану для апробации и потом переписываются набело и припечатываются ханскою печатью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга»⁵.

Следующей важной функцией было распределение мест кочевий. Для этого в ханской ставке присутствовали присланные от нойонов зайсанги и «при присутствии оных депутатов каждой весны и осени определяемо было, где которому нойону с улусом своим летовать и зимовать»⁶.

Вероятно, Зарго изначально зародился и развивался как орган управления и суда во владениях хана, поэтому в его состав входили ханские зайсанги. С момента образования ханства к нему перешли общегосударственные функции.

Таким образом, можно выделить несколько основных вопросов, решаемых Зарго: переписка с правительством России и местной администрацией, указы нойонам по различным («о публичных делах») вопросам, распределение сезонных кочевий. Все это позволяет считать Зарго не только и не столько судебным органом. Он являлся скорее совещательным при хане органом, имевшим широкий спектр законодательных и распорядительных функций.

В период правления хана Аюки (1669-1724) произошло окончательное определение функций Зарго. Здесь можно согласиться с мнением М.М. Батмаева, считавшим Зарго общекалмыцким судебно-управленческим органом: «Зарго, функционировавшее при ставке хана, было общекалмыцким учреждением, хотя, несомненно, решало различные проблемы судопроизводства и управления собственно ханских улусов»⁷. В послеаюкинский период «Зарго, - отмечал В.Бакунин, - на прежнем основании и продолжался, но депутатов от каждого нойона при ханском доме не бывало, и в том Зарге присутствовали от каждого хана вновь определенные зайсанги и их дети, а особенно при Дондук Омбе (хане – А.Ц.) некоторые были из рядовых калмык в зайсанги и попы произведены и в Зарго определены, что природные зайсанга почитали себе за крайнюю обиду»⁸.

В начале второй четверти XVIII века к Эмбе прикочевали казахи Младшего жуза, вошедшие затем в состав России и ставшие вместо джунгаров восточными соседями калмыков. В результате калмыки потеряли контроль над коридором, связывающим их с Джунгарией, основная масса улусов передвинулась на правый берег Волги. К середине века Кабарда окончательно вошла в состав России. По Дону, Тереку и Яику укрепили казачьи поселения, ставшие форпостами российской политики и отодвинувшие калмыцкие кочевья от предгорий Кавказа и от границ с Крымом. В итоге земли калмыков частично теряют статус пограничных и постепенно становятся внутренней административно-территориальной единицей Российской империи с некоторыми особенностями в управлении и в укладе внутренней жизни населения.

Обычно термином «автономия» обозначают независимость действий на внутригосударственном уровне, в то время как оборона и внешняя политика оказываются в ведении центральных органов власти. Однако у калмыцких ханов существовало право заключения международных соглашений. Судебная система автономии являлась самостоятельной сферой. При этом для автономии Калмыкии было характерно отсутствие официального конституционного статуса и общественных законодательных органов власти. Отсутствие национальной Конституции до середины XVIII века сочеталось с не применением российского законодательства. Сохранялось традиционное административное устройство, при котором адми-

нистративная и судебная власть сосредоточивалась в руках ханов и калмыцких феодалов - тайшей и нойонов.

Изменение статуса калмыцких кочевий неминуемо повлекло изменение государственной политики России. Ее целью становилась унификация системы управления Калмыкией, ликвидация ее национальных особенностей, распространение на Калмыкию общеимперской системы власти, управления и суда.

Интегрирование Калмыкии в состав Российской империи открыло с начала XVIII века новый этап в ее экономическом и социальном развитии. Характер политической эволюции в этот период во многом определялся как целенаправленной политикой самодержавной власти, так и изменениями структуры управления, которую правительство стремилось максимально приблизить к губернской. С середины века российское правительство задумывает ряд реформ. Цель этих реформ - сокращение сферы суверенитета калмыцких ханов, формирование общеимперских органов управления, введение российского или близкого по содержанию к нему законодательства.

Местная законодательная власть со второй четверти XVIII века передала часть своих функций центральной, оказавшись наделенной так называемой «остаточной властью». У центрального правительства оказалось право вето по отношению к местным законодательным и исполнительным властям в вопросах земельной собственности и контроля над природными ресурсами (пастбищами и речными угодьями). Данные вопросы относились к наиболее острым, и власть автономии при решении этих проблем оставалась ограниченной⁹.

Российское правительство старалось проявлять определенную гибкость в своей административной политике в Калмыкии. Ставка делалась не на военную силу, а, прежде всего, на правовое регулирование местной системы управления. Начиная с 40-х гг. XVIII века российское правительство попыталось ограничить самостоятельность калмыцких правителей. В середине 50-х гг. правительство утвердило «Законы Дондук-Даши». По мнению К.Ф. Голстунского, «составление для волжских калмыков новых законов и пополнение законов 1640 года было вызвано обстоятельствами и условиями жизни калмыков и изменившимся отношением к ним русского правительства, которое распространило в то время свое влияние на

внутренние дела этого народа и подчинило его своей власти»¹⁰. В качестве мер взыскания в этих законах, кроме штрафа скотом, назначаются уже и телесные наказания. Уложение 1640 года не знает телесных наказаний, и так как в законах Дондук-Даши они появляются впервые, то влияние русского законодательства в данном случае несомненно.

Законы Дондук-Даши частично изменили или дополнили Монголо-ойратские законы 1640 года. Самым наглядным примером изменения, последовавшего в законах Дондук-Даши, служат меры пресечения преступлений в виде телесных наказаний. Таким образом, в 50-е гг. начались попытки применения российского законодательства, были утверждены законы, в которых прослеживается стремление России привести их в соответствие с имперским законодательством. После выработки законов Дондук-Даши калмыцкий суд постепенно становится нижним уровнем в общей судебной системе государства, сохраняя иногда при этом относительную независимость, например, в вопросе назначения судей.

По мнению М.М. Батмаева, в начале 60-х гг. XVIII века правительство искало такое решение, которое бы могло, с одной стороны, уменьшить претензии нойонов и волнения среди них, а с другой - умерить власть наместника и подчинить его распоряжениям сверху¹¹. Для решения этого вопроса главная роль отводилась реформе суда Зарго. В 1761 году наместником Калмыцкого ханства стал 16-летний Убаши (1761-1771).

По этому поводу в Коллегии иностранных дел был разработан и подан для рассмотрения Екатерине II доклад о мерах, которые способствовали бы достижению поставленных целей. Автор доклада В. М. Бакунин, указав, что при «несовершеннолетстве наместника и когда он остается еще неподтвержденным» появился удобный случай «нечувствительным образом силы и власти его убавить», а вместе с тем и владельцев, «для содержания в сем народе спокойствия, оставить в настоящем повиновении к их калмыцкому правительству». Такую возможность он усматривал в реорганизации Зарго¹².

Был изменен порядок выбора судей-заргучеев. Теперь предполагалось назначать членов Зарго от всех крупных улусов: от наместника ханства – 3 судей, по 1 судье - от шабинеровских улусов, принадлежавших буддийской церкви, от Цохоровского, Табун-Отоков-

ского, Дербетовского и Хошоутовского улусов. Глава суда назначался наместником. Назначенные подобным образом заргучей должны были принимать решения с ведома наместника по большинству голосов¹³.

Чтобы назначенные судьи меньше зависели от своих нойонов, решено было право отстранения судьи от должности передать Коллегии иностранных дел. Чтобы еще более уменьшить зависимость заргучеев от своих владельцев, им назначалось жалование по 100 рублей в год. С каждого назначаемого в Зарго предлагалось брать присягу «в должной верности и к надлежащему своих владельцев почтению»¹⁴.

Комментируя реформу Зарго, М.М. Батмаев указывал, что от реорганизации Зарго автор доклада ожидал не только приведения власти наместника «в тесные пределы», но и максимального ограничения сношений его с заграничными правителями, так как он будет остерегаться доноса на себя со стороны зайсангов других владельцев, ему ничем не обязанных¹⁵.

Доклад Коллегии иностранных дел в общих чертах был утвержден Екатериной II и на основе его была составлена и отправлена на имя наместника, владельцев, зайсангов, духовенства и всего калмыцкого народа грамота от 12 августа 1762 года, которою Убанин подтверждался в своем звании, доводилось до сведения решение о судьбе Дондуковых и т. д.

В грамоте специально разъяснялось, что если ни судьи, ни наместник с российским командиром при «Калмыцких делах» и с теми же судьями не смогут прийти к единому мнению по вопросу, не терпящему отлагательства, то собирать в Зарго близко кочующих нойонов и знатных зайсангов и решать дело с общего с ними совета. Выбор председательствующего в Зарго передавался на усмотрение наместника и владельцев. Дела предписывалось решать по древним калмыцким законам и обычаям.

М.М. Батмаев считал, что мероприятия правительства вызвали недовольство и брожение в среде господствующих слоев Калмыцкого ханства, да и среди части простого народа. Наместник и его приближенные были недовольны ограничением их власти в связи с введением нового положения о Зарго и другими мерами, которые также ущемляли их самостоятельность. За этой мешаниной различных настроений, побуждений и действий в конечном счете просмат-

ривался один повод – общее недовольство господствующих слоев Калмыцкого ханства все нарастающим ограничением их самостоятельности¹⁶. Неоднократно на Зарго жаловались Бамбар, Ондон, Шибзан, Басурман-тайджи.

На наш взгляд, калмыцкое нойонство было далеко от проявления открытого недовольства. Например, нойон Асарха сообщал, что Убаши приказал всем «наместнику и учрежденной Зарге во всем повиноваться, в противном же случае опасатца штрафа, а по нашим калмыцким правам ежели по троекратной от суда посылке к суду кто не явитца, то таковым от суда отказывают и претензии его лишить»¹⁷.

Мы видим, что судьи-заргачинеры относились к сословию зайсангов. Вероятно, выбор судей из сословия зайсангов не был случайным. Это была, в первую очередь, дань традиции. Но в то же время правительство России считало именно зайсангов социальной опорой своей политики. Например, на одном из совещаний в Коллегии иностранных дел в 1765 г. было высказано следующее мнение: «впредь для спасения невинных зайсангов от безразборчиваго мщения калмыцких лехкомысленных владельцев и ослабления некоторым посторонним образом их силы, и, следовательно, для приведения их в такая пределы, чтоб они меньше в состоянии остались своевольствовать, не излишно для того было б калмыцких зайсангов привести в некоторую безопасность от своих владельцев». Привлечение зайсангов к решению важнейших вопросов жизни калмыцкого общества сразу же вызвало недовольство нойонов. Екатерина отмечала, что многие нойоны не едут в Зарго, т.к. в нем заседают зайсанги. Для этого необходимо было назначить к восьми зайсангам одного нойона и одного офицера из команды Кишенского. Императрица указала назначить главным в Зарго нойона Цебек-Дорджи¹⁸.

Предполагалось зайсангские дела в большей степени решать в Зарго. Хотя Коллегия и не покушалась отнять у нойонов «полную власть, что будет касаться до их им услуг и собирания с них податей», но желала, чтобы нойоны зайсангов «за вины их плетью не секли, огнем не жгли, а паче живота не лишали, а отдавали б таковых в суд правительства народного (т.е. Зарго), где с ними поступлено будет, поколику кто виноватым окажется».

Реформа Зарго продолжалась в последующие годы. В апреле 1763 г. в императорской грамоте Убаше сообщалось, что некоторые из владельцев выдвигают претензии на улусы, захваченные лет со-

рок и более назад. Императрица постановила, чтобы «разобрание зашедших из одного улуса в другой учинено было с того только времени, как отец твой учрежден наместником ханства, а именно с 1742 года»¹⁹. В 1765 г. императрица указала, чтобы Зарго сообщал о месте кочевий в улусы заблаговременно²⁰.

Итоги деятельности Зарго начали подводиться спустя два года. К этому времени Зарго рассмотрел дело об улусе Емеген-Убаши, о шабинерах ламы Мерген-цоржи, об улусе Еремпея²¹. К осени 1765 г. Кишенский сообщал, что многие споры в Зарго закончены, кроме спора между Бамбаром и Убаши²².

В 1764 г. в докладе КИД признавалось, что с созданием Зарго «польза в том, что наместник ханства меньше власти в своем нарде имеет, и владельцы калмыцкие, оставаясь в повиновении правительству, меньше однако ж имеют причины чаять и опасаться действий его к себе неудовольствия и огорчения». В следующем докладе (1765 г.) признавалось, что «сим народным правительством наместник ханства в такое состояние приведен, что он против прежних ханов в лучшем послушании находится»²³.

Таким образом, в период правления Убаши (1761-1771) в результате реформы 1762 г. властные функции правителя были ограничены судом Зарго, превратившегося в орган сословного представительства. Причем члены его назначались, а не выбирались. Реформа Зарго фактически вела к трансформации абсолютной формы монархии в дуалистическую - переходную форму монархии, при которой власть монарха ограничена этим органом в законодательной, исполнительной и судебной областях. Дуалистическая монархия формировалась в условиях оформления имперской политики правительства Екатерины II, являясь своеобразным компромиссом между интересами российской империи и традициями кочевого государства. При этом политика России включала в себя меры по преобразованиям сферы управления в сочетании с мерами социальными. С правлением Убаши связан особый этап становления монархии с сословным представительством.

¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995.

² Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.

- ¹ Бакунин В.М. Указ. соч. С.146.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁶ Там же. С.147
- ⁷ Батмаев М.М. Указ. соч. С.82, 103.
- ⁸ Бакунин В. Указ. соч. С.147.
- ⁹ Подробнее см.: Цюрюмов А.В. Политическое положение Калмыцкого ханства в 20-30-е годы XVIII века // VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. М., 1997. С.87-89. Он же. Вопрос о ханском престоле в середине 20-х годов XVIII века // Проблемы современного джангароведения. Материалы научной конференции. Кн.2. Элиста, 1997. С. 210-213. Он же. Административная система Калмыцкого ханства в 1-й пол. XVIII в. // Вопросы всеобщей и отечественной истории. Элиста, 1998. С. 23-38.
- ¹⁰ Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб., 1880. С.60-61.
- ¹¹ Батмаев М.М. Указ. соч. С.305.
- ¹² Там же.
- ¹³ Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С.243-244.
- ¹⁴ Батмаев М.М. Указ. соч. С.306.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 307-308.
- ¹⁷ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф.36. Д.368. Л.59.
- ¹⁸ Там же. Д.375. Д.176-181, 203-204об.
- ¹⁹ Сборник Русского исторического общества. Т.48. С. 460.
- ²⁰ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36. Д. 375. Л.176-181, 203-204об.
- ²¹ Там же. Д.368. Л.75-об. Д.370.Л.4. Д.373.Л.68. Л.719.
- ²² Там же. Д.378. Л.122-123.
- ²³ Сборник русского исторического общества. Т.51. С.410. Т.57. С.224.

С.Ю. Деев

Роль съездов калмыков-скотоводов в общественной жизни Калмыцкой степи (кон. XIX – нач. XX вв.)

Рубеж XIX-XX вв. в России стал временем бурных перемен в судьбах народов империи, временем оживления национальной жизни во всех ее проявлениях. Население получило политические права, возможность выражать свои национальные интересы и свое от-